ПОНТИФИКАТ БЕНЕДИКТА XVI И ОСНОВА СОЦИАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ КАТОЛИЦИЗМА В НАЧАЛЕ XXI в.

В.М. Богомазов

Нынешний глава Ватикана Бенедикт XVI (в миру Йозеф Алоис Ратцингер) родился 16 апреля 1927 г. в Баварии (Германия) в семье полицейского. Детские годы провел в районе границы Германии с Австрией. В возрасте 10 лет был вынужден вступить в ряды военизированной нацистской молодежной организации «Гитлерюгенд»[1]. В ходе Второй мировой войны был призван в подразделение вспомогательного персонала противовоздушной обороны в Мюнхене, защищавшее авиамоторный завод BMW. Это подразделение было затем передислоцировано в Венгрию, где Й. Ратцингер привлекался к установке противотанковых заграждений (Понтифик утверждает, что во время войны не сделал ни одного выстрела). В апреле 1944 г. дезертировал и некоторое время провел в плену у союзных войск.

С 1946 по 1951 г. изучал философию и теологию в Высшей школе философии и теологии баварского города Фрейзинг, а затем – в Мюнхенском университете. В 1951 г. был рукоположен во священника Римо-Католической Церкви. В 1953 г. становится доктором теологии, защитив диссертацию по наследию блаженного Августина, и в короткий срок входит в круг лучших германских теологов. С 1959 г. преподавал на кафедре теологии Боннского университета, а с 1963 г. – и Мюнстерского университета. В 1962–1965 гг. участвовал в качестве советника-теолога в работе II Ватиканского Собора. В 1972 г. основал теологический журнал «Коммунио», издающийся и в настоящее время. В марте 1977 г. Папой Павлом VI назначен архиепископом Мюнхенским и Фрейзингским. 28 мая 1977 г. рукоположен в епископа. В июне того же года стал кардиналом, а в ноябре 1981 г. – префектом (главой) Священной конгрегации доктрины веры (она же – Святая инквизиция, переименованная Пием X в 1908 г.).

30 ноября 2002 г. кардинал Й. Ратцингер становится деканом коллегии кардиналов, т.е. структуры, руководящей Католической Церковью в период, когда Папский престол является вакантным.

19 апреля 2005 г. избран Папой Римским (по счету – 265-й), став самым старшим по возрасту на момент избрания первосвященником со времен Папы Климента XII (избран в 1730 г.) и вторым немецким понтификом вслед за Виктором II (1055–1057); автор книг «Новая песнь Господу» (1996 г.), «Введение в христианство» (2005 г.), «Иисус из Назарета» (2007 г.), «Служители вашей радости» (2008 г.), опубликованных в Италии.

Являясь преемником по кафедре и не обладая харизмой Иоанна Павла II, Бенедикт XVI, тем не менее, демонстрирует основательность, сочетаемую с немецким упорством, работоспособностью, пунктуальностью и педантизмом. Наблюдатели квалифицируют Бенедикта XVI «Папой переходного периода» (в 2007 г. ему исполнилось 80 лет), поскольку такие понтификаты, как правило, недолги и не претендуют на значительные свершения и перемены [в истории все же были случаи, когда короткие по времени понтификаты оказывались весьма результативными не только для католицизма, но и мира в целом; наиболее яркий тому пример – деятельность Папы Иоанна XXIII (1958–1963)]. Так, за годы своего руководства Католической Церковью, с апреля 2005 г., Бенедикт XVI действительно проявил «сдержанный динамизм» и сделал немало того, что позволяет с определенным основанием судить о его курсе и направленности осуществляемых им акций.

Целесообразно проанализировать взгляды и концептуальные позиций Папы Бенедикта XVI, начиная со времени его прихода к руководству важнейшей структурой Ватикана – Священной конгрегацией доктрины веры. Основным источником в этой работе является книга итальянского журналиста и религиоведа Витторио Мессори о развернутой беседе с кардиналом Й. Ратцингером –

[1] From a Small Bavarian Town to the Papacy // Deutche Welle. 2005.19.04. По другим данным - в 14 лет (см.: Profile: Pope Benedict XVI // BBC News. 2006. 15 Septtembre.).

«Доклад о вере»[2]. Эта книга отражает представления как Иоанна Павла II, так и кардинала Й. Ратцингера о роли католицизма в жизни современного общества и, в некоторой степени, даже теологическим его обоснованием. И в этом, полагаем, нет ничего удивительного, поскольку для Папы Иоанна Павла II было естественным решение поручить дело обеспечения ортодоксальности церковной доктрины прелату, пользующемуся у него абсолютным доверием. Для Й. Ратцингера это дело позволяло стать «правой рукой» Понтифика.

Сознавая чрезвычайный характер беспрецедентно большого интервью, В. Мессори в начале монографии отмечает: «Следует учитывать, что никто другой в Церкви, помимо, разумеется, Папы Римского, не смог бы ответить на наши вопросы с еще большим авторитетом. Конгрегация доктрины веры является тем инструментом, через который Святой Престол наращивает углубление веры и следит за ее целостностью, поэтому эта Конгрегация – хранительница католической ортодоксальности» (ibid. P. 6). Перед публикацией кардиналу Й. Ратцингеру был, безусловно, представлен макет книги – он тщательно с ним ознакомился и, как очевидно, утвердил оценку собственной роли в Ватикане и изложенных им соображений.

Начнем анализ представленных кардиналом позиций с проблемы толкования II Ватиканского собора и его решений.

Прелат прямо и четко касается полемики «консерваторов» и «прогрессистов» и демонстрирует намерение быть, как и вся Церковь, над сторонами. Рельефно проступает настрой провести разъединительную линию между справедливым «аджорнаменто» – обновлением традиционной доктрины и уступкой заявкам проявлений культуры современного мира. И в работе по распознанию таких заявок особое беспокойство вызывает защищенность христианской идентичности, серьезную угрозу которой, по мнению Й. Ратцингера, представляют теологические течения, представляющие себя в качестве «соборных», а потому по каждой из затронутых в интервью проблем методологического, догматического, морального или литургического характера отстаивается такое специфическое решение, которое направлено против различных развязок «ограничительного порядка», т.е. выработанных под знаком диалога с миром, нехристианскими религиями, атеизмом и марксизмом. В рассуждениях кардинала все будет сведено к противостоянию между антропоцентризмом и теоцентризмом, где первый означает такое видение человека и истории, согласно которому человек может освободить себя от зла и построить своими силами новый мир, а второй – теоцентризм – исходит из установки, что только Бог освобождает человека, новый мир устрояется согласно воле Божией, учитывая, конечно же, и общее состояние, умонастроения и желания ищущего Бога или удаляющегося от Него человека.

Антропоцентризм в таком понимании, утверждает кардинал Й. Ратцингер, составляет сердцевину современной культуры. Учитывая данное положение, постсоборная Церковь должна занять собственную на сей счет позицию путем оценки современного мира. (И этот выбор приобрел, полагаем, решающий характер при квалификации Ватиканом различных теологических направлений и определений правоверности каждого из них.) Основываясь на перечисленных критериях, кардинал анализирует постсоборную обстановку и приходит к весьма пессимистичным выводам: «Бесспорно, что последние двадцать лет были исключительно неблагоприятными для Католической Церкви. Последовавшие за Собором результаты представляются жестоко противоположными ожиданиям всех, начиная с Папы Иоанна XXIII, а затем – Павла VI. Христиане снова в меньшинстве, причем в большей мере, чем когда-либо после древних времен... Папы и соборные отцы ждали нового католического единства, а оказались перед лицом разлада, который, по выражению Павла VI, проявился в переходе от самокритики к самоуничтожению. Ожидался новый энтузиазм, а напротив все зачастую грязло в скуке и безнадежности. Ожидался скачок вперед, а напротив перед лицом возник расширяющийся процесс декаденства, в значительной мере сопровождаемый ссылкой на предполагаемый «дух Собора», что таким образом дискредитировало его» (ibid. P. 27–28).

Й. Ратцингер далее излагает мнение о том, что обновление вышло за рамки формы и в значительной степени затронуло существо самой доктрины, т.е. стремление открыться миру и вести диалог с

[2] Vittorio Messori a colloquio con Joseph Ratzinger: Rapporto sulla fede. Milano, 1985.

ним предопределило маскировку христианства, лишая его способности проявлять несогласие в отношении мирских дел. Корень декаденства состоит именно в автономии человека и в проистекающем из этого перечеркивании центральной роли Бога и Католической Церкви; в усилении современного антропоцентризма в ущерб теоцентризму; в претензии современного человека освободиться от Бога.

Отвечая на возникающий вопрос о причинах проникновения антропоцентризма в ментальность верующих и теологию, Й. Ратцингер не хочет, конечно же, чтобы проводимый им анализ вылился в откровенную критику II Ватиканского собора. Ответственность за декаденство, по его мысли, не следует искать в Соборе, а в тех внешних и враждебных Церкви идеологиях, которые нашли в ней «право на гражданство», благодаря деятельности теологических течений, чрезмерно занятых тем, как оказаться принятыми в мире.

Кардинал конкретно указывает на две такие идеологии: «либерал-радикальную» и «марксистскую», связывая первую и вторую с молодежными протестными выступлениями в 1968 г. в странах Запада. Для него это – «культурная революция», «поворот», оказавшие решающее воздействие на постсоборное декаденство, в частности, на теологию освобождения.

Рассматривая генезис теологии освобождения, иерарх среди основных факторов его появления называет: «...новый философский климат 60-х годов, когда марксистский анализ истории и общества оценивался единственно “научным”. Это означает, что мир воспринимается через схему классовой борьбы и тогда единственно возможный выбор сводится к определению собственного места между капитализмом и марксизмом» (ibid. P. 191).

Обратим внимание на то, что в оценке Й. Ратцингером событий 1968 г. сквозит мнение о них, как *этапе секуляризации культуры*. Его явно больше волнует конвергенция между либерализмом и марксизмом, как секулярными идеологиями, чем их политико-культурный антагонизм. Этот подход приведет кардинала к выявлению в теологии освобождения секулярной идеологии европейского происхождения: «Декаденство, – объясняет он, – ...вызвано активизацией внутри Церкви агрессивных сил – блуждающих, центробежных, пожалуй, безответственных, даже просто наивных, легко поддавшихся оптимизму, зацикленных на современности при понимании технического прогресса в качестве истинного, целостного прогресса» (ibid. P. 28). Эти силы действуют во имя «духа Собора», но в действительности налицо – «антидух», поскольку «...все то, что есть новое – будто превосходит то, что уже было или есть. Антидух в том, что история Церкви началась, дескать, со II Ватиканского собора, трактуемого в качестве некого начала начал» (ibid. P. 33). Однако культ новизны и нового приводит, уверен Й. Ратцингер, к негативным последствиям для самого Собора – прогрессисты не станут тянуть с преодолением соборных документов, утверждая, что их нельзя более считать отправной точкой теологии в силу чрезмерной церковности и клерикальности. А документы II Ватиканского собора следует-де сопоставить с «воображаемым III Собором» (ibid. P. 159).

Иерарх видит в основе оптимизма и конформизма в отношении мира «усеченную антропологию», некритично воспринимающую природу человека – позицию на сей счет Ж.-Ж. Руссо, считавшего человека хорошим, но, дескать, испорченным только образованием и социальными явлениями. Й. Ратцингер считает эту догму фундаментом всей постиндустриальной культуры – как капиталистической, так и марксистской (ibid. P. 79). На основе подобной предпосылки, как специально замечено, некая теология отвергает саму концепцию первородного греха и, более того, греха как такового, вводя в качестве замены, к примеру, экономическую и социальную отчужденность, в результате чего утрачивает свое право на бытие «концепция спасения», которая оказывается подмененной концепцией «освобождения». И далее следует жесткая констатация, что *неспособность понять и представить первородный грех, грехопадение стало одной из острых проблем современных теологии и пастырской деятельности*.

Й. Ратцингер убежден в наличии определенной альтернативы выбора между верой в человека – его знания, его ценности и верой в Бога – в Его Слово, в Его Церковь. Вера в человека, по словам прелата, приводит к эйфорийной открытости модернизму с его инструментами познания и критики, его ценностями.

Проникновение в Церковь современного антропоцентризма приводит к положению, когда Вера и Библия толкуются с чисто человеческими критериями рационального свойства, отдавая предпо-

чтение знакомству с «научными» историко-культурными работами, независимыми от дела Церкви и доходят до абсурдных экспериментов типа «материалистической интерпретации» Библии.

Большую тревогу у Й. Ратцингера вызывает намерение антропоцентристской методологии отодвинуть Церковь в разряд чисто социологических, политологических, а не сверхъестественных категорий, когда Церковь сведена до уровня результата усилий человека и не является более Таинством Божия происхождения. Корень зла именно в этом: «Если Церковь воспринята как созданное человеком, как наш артефакт, то тогда и содержание веры становится произвольным – вера не имеет более аутентичного, надежного инструмента, посредством которого выражает Себя. Так без видения ее сверхестественности, а не только социологичности, без Таинства Церкви, сама Христология лишается своей ссылки на Божие начало: чисто человеческая структура в итоге отвечает человеческому проекту» (ibid. P. 46).

Кардинал усматривает во всем перечисленном намерение ограничить роль Церкви и под эти углом он толкует проявляемую настойчивость в вопросе о Церкви как народе Божием. По его мысли, эта концепция прозвучала на Соборе, но потом она стала доминировать в постсоборных подходах, что вызывает подозрение прелата, поскольку, дескать, за подчеркнутым сегодня тезисом о Церкви как только «народе Божием» находятся размышления о возврате к Ветхому Завету, а также, видимо, «политические, партийные, коллективистские соображения» (ibid. P. 47). Й. Ратцингер откровенно квалифицирует самым угрожающим следствием отказа от католического видения Церкви слом аутентичной концепции «послушания», уже не рассматриваемого кое-кем в качестве человеческой добродетели, а как наследие авторитарного и догматического прошлого, подлежащего неукоснительному преодолению. Кардинал восклицает: «Если Церковь действительно есть наша Церковь, если Церковь – это только мы, если ее структуры не те, которых желал Христос, тогда более не воспринимается существование иерархии как служение крещенным в соответствии с установленным самим Господом порядком, как отрицание принципа власти, желанной Богом, власти, обладающей своей легитимностью в Боге, а не как происходит в политических структурах – в согласии большинства членов организации» (ibid. P. 49).

О многом говорит и проделанный кардиналом экскурс в историю, в частности, в область глубоких противоречий между католиками и протестантами. Конгрегация доктрины веры, по словам ее префекта (т.е. главы), и сегодня подтвердила бы приговор, вынесенный Лютеру за то, что он, утверждая, что Вселенские Соборы ошибались и «...ставил авторитет толкователя... выше авторитета Церкви и ее традиции» (ibid. P. 166). Так Й. Ратцингер доходит до переоценки духа диалога, что было одной из характерных особенностей соборной и постсоборной атмосферы, поскольку диалог ведь предусматривает открытость на деле к ценностям других и способность преобразиться в эволюцию и самокритику. Но, по заключению прелата, «...многие католики зашли слишком далеко как в открытости в отношении других, так и в критике нас самих». Был поставлен чрезмерный акцент на ценности нехристианских религий[3], «...являющихся в действительности террористическими режимами» (ibid. P. 145).

Прелат демонстрирует убежденность в существовании тенденции, направленной на уничтожение христианской идентичности. По его мысли, «...в позиции некоего католического постсоборного экуменизма был замечен определенный мазохизм, проистекающий из несколько извращенной потребности признавать себя виновными во всех бедах истории» (ibid. P. 167). Развивая такое положение, далее заявляет: «...многие в эти последние годы высказывали несправедливые суждения о связи миссионерской деятельности с колониализмом» (ibid. P. 206). Теперь же, став Папой Римским, иерарх без колебаний огласил эту точку зрения в ходе своего визита в 2007 г. в Бразилию*.

Кроме того и еще один аспект проведенного кардиналом рассмотрения методологических отступлений постсоборного периода заслуживает тщательного разбора.

Так, он осуждает толкование догматов и морали

[3] Ibid. P. 211.

* Еще на посту перфекта Конгрегации доктрины веры он выступил категорически против «...классового анализа, преграждающего путь к любой возможности диалога, предвзято закрепляя за любым церковным действием место на стороне хозяев, и против бедных» (ibid. P. 201–202).

в ракурсе релятивности, теологического субъективизма, контрабандно выдаваемых за плюрализм. Все это, по его словам, проистекает из антропологического урезания метода, что имеет своей очевидной целью отрицание доктринального авторитета Католической Церкви. Многие теологи, подмечает Й. Ратцингер, вроде как забыли, что субъект, создающий богословское учение, не является отдельным исследователем, а католическим сообществом в целом – всей Церковью. Из такого забвения теологической работы как церковного служения проистекает теологический плюрализм, который в действительности часто становится субъективизмом, индивидуализмом, имеющим мало общего с основами всеобщей традиции. Каждый теолог как бы намерен быть «творящим», но его истинная задача состоит в углублении, содействии пониманию и провозглашению общего достояния веры. Иначе – вера расколется на ряд школ и течений, часто противостоящих друг другу, нанося опасный ущерб дезорганизованному народу Божию (ibid. P. 71).

Многие нынешние теологи прогрессистского толка, считает Й. Ратцингер, движимые некритическим доверием прогрессу, склоняются к воспаленно-эйфорическому, безграничному принятию ценностей современного мира, тем самым открываясь без достаточной предосторожности современной культуре, наполненной агностицизмом и атеизмом. И они доводят дело до оценки христианства в свете современных ценностей, а не наоборот: «Со стороны многих католиков в последние годы имело место полная распахнутость без каких-либо фильтров и тормозов в отношении мира, т.е. современной доминирующей ментальности, ставя одновременно под сомнение сами основы достояния веры, те основы, которые для многих не были ясны... II Ватиканский Собор с полным основанием высказался за пересмотр отношений между Церковью и миром. На деле есть ценности, которые даже родившись вне Церкви, могут найти в ее видении собственное место при их просеивании и доводке... Но тот, кто думает, что эти две реальности могут встретиться без конфликта и самоидентификации, не знает ни Церкви, ни мира» (ibid. P. 34).

В области морали проблема христианской идентичности встает, полагает кардинал, в виде жесткой дилеммы: «...или Церковь достигнет согласия, компромисса с ценностями, принятыми обществом, которому хочет продолжить служение, или же решит остаться верной своим собственным ценностям... и тогда она окажется задвинутой по отношению к самому обществу» (ibid. P. 87). И по первому пути, охарактеризованному как соглашательскому и конформистскому, по мнению Й. Ратцингера, пошли многие теологи, выступающие против церковных взглядов на различные вопросы секса и брака (добрачные отношения), развода, гомосексуальности и т.д., а также феминизма (ibid. P. 93–103). Приверженность этому пути побуждает оправдывать в ожидании социального и политического освобождения «...всё остающееся, включая, если потребуется, насилие, убийство, ложь», т.е. занять позицию, разделяемую, по заключению кардинала, «некоторыми теологиями освобождения» (ibid. P. 92).

В основе подобных «отклонений» он вновь усматривает размывание христианской идентичности, соотнесенное с антропоцентричной идеей о создании морали и мира без Бога: «Сразу же после Собора началось обсуждение вопроса о существовании или нет специфических христианских норм морали. Некоторые приходили к выводу, что все нормы можно найти и вне христианской этики и что фактически превалирующая часть этих норм взята у других культур, в частности, у древней классической философии, а также у философии стоицизма. Опираясь на такое ошибочное мнение, неизбежно доходят до мысли о том, что мораль следует строить исключительно на базе разума и эта автономия разума действенна и для верующих. И действительно есть сегодня «католические» моралисты, утверждающие, будто Декалог, т.е. десять библейских заповедей, на которых Церковь соорудила свою объективную мораль, является ничем иным, как «культурным продуктом», связанным с семитским Ближним Востоком» (ibid. P. 89–90), – резюмировал глава Конгрегации доктрины веры.

Суть искушения человека и его падения заключается, по мысли Й. Ратцингера, в неправильном понимании программного выражения «уподобитесь Богу», т.е. «возвысьтесь в Духе» и станьте свободными от естественных законов природы – станьте полными хозяевами собственной судьбы: «Человек постоянно хочет только этого – быть творцом и хозяином самого себя. Но то, что нас ожидает в конце такого пути не есть, конечно же, Рай земной».

Убежденным сторонником консервативных позиций и даже реставрации дособорных порядков Й. Ратцингер проявляет себя и в литургических вопросах. За разумными концептуальными взглядами на Литургию, полагает он, стоят разные концепции о Церкви, Боге и отношении человека с Ним (ibid. P. 132). Стремление проводить Литургию на диалекте или языках, доступных народу, часто приводило к произвольным новациям, к бесконтрольному творчеству, что выхолостило безмерную суть, в которой должны выражаться таинства дела Божия и его Церкви (ibid. P. 124–125). «Для католика Литургия это – Отчий дом, исток его идентичности, и также поэтому она должна быть "предопределенной", "непоколебимой", ибо посредством обряда выражается Святость Бога» (ibid. P. 130–131).

Кардиналу многократно приходилось излагать свое мнение о «реставрации» в постсоборное время, и он обычно прибегал к семантическим уточнениям, хотя в полной мере знал, что вкладывает современный человек в это понятие. Так, к примеру, им было заявлено: «Если под "реставрацией" подразумевается возвращение назад, то тогда никакая "реставрация" не является возможной. Церковь идет вперед по пути свершений истории и смотрит на приходящего Господа. Нет, назад возврата нет, да и вернуться нельзя. Никакой, следовательно, "реставрации" в этом смысле. Но если под "реставрацией" мы имеем в виду поиск нового равновесия после перекосов безграничной открытости миру, после чрезмерно оптимистичных оценок мира агностицизма и атеизма, чтож, *тогда "реставрация", понимаемая в этом смысле (обновленного равновесия, т.е. ориентиров и ценностей внутри католической среды), является полностью желанной и уже осуществляемой в Церкви. В таком смысле можно сказать, что завершился первый этап после II Ватиканского Собора*» (ibid. P. 36; выделено нами. – *В.Б.*).

Главным в деле практической и теоретической «реставрации» для Й. Ратцингера является неотделимая от принадлежности к Церкви и повиновения католической иерархии христианская идентичность, которая означает именно католическую идентичность, поскольку ведение Абсолюта принадлежит именно Католической Церкви. Следовательно, утверждение собственной христо-кафолической идентичности предполагает и мужество провозглашения, в том числе и на конфликтной основе, собственного отличия в отношении мира и доминирующих в нем материалистических идеологий, т.е. радикал-буржуазной и, особенно, марксистской, разворачивая вспять превалирующую в мире тенденцию к конформизму. Утверждение христиано-католической идентичности означает, считает кардинал-префект, отстаивание правды и превосходства католицизма как над нехристианскими религиями так и в среде христианских конфессий.

Процесс секуляризации извратил, подытоживает кардинал, представление о Церкви как Таинстве причащения и свел ее до уровня созданного человеком, поэтому стержнем реставрации должно стать открытие заново Церкви как Таинства. Так что теперь, в роли Папы, Бенедикт XVI полагает, что реставрации требует христианская антропология и закрепление за Церковью ее центральной роли как сверхъестественной действительности, как Тела Христова, представителя Бога на земле, как места Его реального присутствия в мире, как управителя Божиим прощением и неприкосновенности ее желанных Христом структур.

Реставрация представления о Церкви как Таинстве явно влечет за собой отклонение критики теологического, морального и политического свойства по ее адресу, а потому Й. Ратцингер резко ее отвергает, «.., поскольку она несправедлива и исторически некорректна» (ibid. P. 206). Осуждение политических и культурных компромиссов Церкви с буржуазией квалифицируется как плод идеологических предубеждений.

Кульминацией рассуждений кардинала о необходимости реставрации корректного представления о роли католицизма в мире стала следующая фраза: «Опыт дает подтверждение того, что Католическая Церковь была оплотом правды и справедливости против царства атеизма и лжи, каким был нацизм» (ibid. P. 175). Это было сказано в условиях, когда внутри католицизма шла оживленная дискуссия об опасном молчании Ватикана перед лицом холокоста и других преступлений националфашизма.

Показательными представляются и такие высказывания Й. Ратцингера: «Мы грешим, но Церковь не грешит, она Твоя и является носительницей веры», «...Церковь сегодняшнего дня не нуждается в новых реформаторах. Церкви нужны новые святые».

Жесткую и бескомпромиссную позицию демонстрирует кардинал и по феминистскому вопросу, заявляя о мужском характере как священного служения, так и самого Бога. Вместе с тем христианская интуиция осознала и считает, что данный вопрос не является второстепенным, а потому защита Священного Писания (которое ни в Ветхом, ни в Новом Завете не знает женщин-священников) означает и защиту человеческой личности, «...начиная, разумеется, с личности женского пола» (ibid. P. 94).

Более хрупкой и невероятной оказывается аргументация половой принадлежности Бога – Отец и не Мать.

Сам В. Мессори, берущий интервью у кардинала, формулирует вопрос так, что просматриваются его сомнения: «Представляется оправданным убеждение одного католика, и Папа недавно вспоминал об этом, что Бог находится над сторонами его создания; он – и Отец, и Мать» (ibid. P. 97). Показателен ответ Й. Ратцингера: «Это верно, если мы станем на чисто философскую, абстрактную точку зрения. Но христианство не является философским умозрением, оно не есть что-то, созданное нашим умом. Христианство не является “нашим”, это – откровение Бога, послание, которое было нам вручено и которое мы не имеем права переделывать по усмотрению. Значит, у нас нет полномочий для трансформации “Отче наш” в “Мать наша”: символизм, использованный Христом, необратим, и он основан на той самой связи человека с Богом, который пришел и открылся нам. Еще меньше позволено нам заменить Христа другой фигурой. Но что радикальный феминизм, порой даже тот, который ссылается на христианство, не готов принять – заключается в образцовом, универсальном, неизменяющемся характере отношений между Христом и Отцом» (ibid. P. 98).

Крайне негативно оценивает кардинал-префект *феминизм*, являющийся, по его словам, плодом богатого Запада, и его интеллектуального истеблишмента. Интересно, что в этом контексте иерарх замечает «...последствия путаницы, поверхностности культуры мужчинских умов, мужчинских идеологий, которые обманывают женщину, глубоко дезориентируют ее, говоря, что на самом деле хотят освободить ее» (ibid. P. 93–94). Звучит и категорическое осуждение радикального феминизма, «...провозглашающего освобождение, т.е. спасение, но иное, если не противоположное, чем в христианстве»: «То, что несет феминизм в его радикальном виде, не является более известным нам христианством, это – иная религия» (ibid. P. 97).

Очевидна и обоснована зацикленность Й. Ратцингера на реставрации католической антропологии, т.е. рассмотрении человека и истории в свете веры, включая, естественно, и «восстановление» в культуре смысла первородного греха, и противопоставление этого религиозного подхода антропологическому и историческому оптимизму, представляющемуся, по убеждению прелата, корнем современной культуры и соборного «антидуха».

Восстановление католической антропологии имеет также своей целью и решительное подтверждение того, что человек не может добиться освобождения без Бога – человек может быть освобожден только во Христе – Богом.

Процесс реставрации, основные направления которого изложил сам префект Священной конгрегации доктрины веры направлен, следовательно, на закрепление «примата духовного» и центральной в том роли Католической Церкви. Несомненно, начало этому процессу было положено в период понтификата Иоанна Павла II, опиравшегося на Й. Ратцингера. В истории католицизма «реставрация» является некой константой, но на сей раз, т.е. через некоторое время после II Ватиканского собора, она пришла на замену тому курсу диалога Церкви с современным миром и атеизмом, который вызывал энтузиазм и большие надежды не только у католиков. И вклад кардинала-префекта, а ныне Папы Бенедикта XVI, в переориентацию Католической Церкви вряд ли можно переоценить. Считаем нужным напомнить таже о ходивших в начале 2005 г. во всем мире слухах о наличии письма – завещания К. Войтылы, Папы Иаонна Павла II, с указанием Й. Ратцингера в качестве «идеального нового главы Ватикана». Накануне конклава, избравшего Й. Ратцингера Папой Бенедиктом XVI, эти слухи оборвались и, среди прочего, потому, видимо, что в них уже не было необходимости.

Срок пребывания нового первосвященника у руководства мировым католицизмом, т.е. с 19 апреля 2005 г., по историческим меркам крайне мал, и, действительно, весьма ограничен объем фактологии, позволяющей делать обоснованные выводы о лейтмотиве нынешнего Понтификата, его эффективности в достижении поставленных перед со-

бой целей, особенностях или, точнее, отличиях в сравнении с периодом понтификата Иоанна Павла II во взаимоотношениях с современным миром. Правда, уже в момент избрания Бенедикта XVI его возраст прямо говорил, что этот понтификат вряд ли будет продолжительным как, например, у К. Войтылы.

* * *

Папа Бенедикт XVI издал пока только три энциклики.

Первая из них «Deus caritas est» («Бог есть любовь», 25 января 2006 г.)[4] посвящена роли любви в жизни человека и общества, роли милосердия в деятельности Церкви.

Вторая – «Spe salvi» («Ибо мы спасены в надежде», 30 ноября 2007 г.)[5] сконцентрирована на важной для христиан теме надежды и связанных с ней проблемах современного общества, включая атеизм.

И только *третья энциклика* «Caritas in veritate» («Милосердие в истине», 29 июня 2009 г.)[6] целиком посвящена социальной проблематике и оценивается мировым католицизмом как весьма важное событие в его жизни и существенный шаг в деле развития социального учения Римо-Католической Церкви.

Заметим при этом, что и в первых двух энцикликах глава Ватикана поднимает социальную тему и последовательно излагает свою соответствующую позицию. Так, в казалось бы мировоззренческой в целом ***«Deus caritas est»*** Понтифик напоминает о вкладе его предшественников, начиная со Льва XIII, в разработку социальной доктрины Церкви и заявляет: «...марксизм видел во всемирной революции и ее подготовке панацею для социальной проблематики: посредством революции и последующей коллективизации средств производства, – утверждалось в этой доктрине, – все сразу же должно было пойти иным и лучшим образом. Эта мечта растаяла. В той сложной обстановке, в которой мы находимся и по причине глобализации экономики, социальная доктрина Церкви стала основополагающим индикатором, предлагающим стоящие ориентиры намного дальше ее границ – эти ориентиры перед лицом продвижения развития должны быть рассмотрены со всеми теми, кто всерьез заботится о человеке и его мире» (§ 27). Придерживаясь принципа «Богу – богово, кесарю – кесарево», Понтифик четко отделяет церковное от политического: «...не является делом Церкви обеспечение политического принятия ее социальной доктрины» (§ 28), но, дескать, способствовать тому за счет своих возможностей Церковь будет.

В ***«Spe salvi»*** дается анализ социальных процессов в Европе в XIX в. и рождения марксизма – преддверия «пролетарской революции». С победой же революции в России, пишет Папа Бенедикта XVI, стала очевидной и основная ошибка К. Маркса, который точно указал, как осуществить свержение существующего строя, но не сказал, как следовало вести себя потом, поскольку «Он просто полагал, что с экспроприацией правящего класса, падением политической власти и социализацией средств производства возникнет Новый Иерусалим. И тогда, на деле, исчезнут все противоречия – человек и мир наконец четко увидят себя» (§ 21). Не сумел К. Маркс, считает Понтифик, предвидеть то, что «...человек остается всегда человеком. Он же забыл человека и забыл о его свободе. Он забыл, что свобода остается свободой даже в беде. Он думал, что единожды разобравшись с экономикой, все образуется. Его истинная ошибка состоит в материализме: человек не является продуктом экономических обстоятельств и невозможно только извне оздоровить его, создав благоприятные экономические условия» (§ 21).

Размышляя о прогрессе, Бенедикт XVI приходит к такому выводу: «...появляются новые возможности для благих дел, но открываются также громадные лазейки для зла, лазейки, которых ранее не было. Мы все стали свидетелями того, что прогресс в плохих руках может стать и становится страшным продвижением зла. Если технический прогресс не соответствует прогрессу этического воспитания, внутреннего роста человека, то тогда это – не есть прогресс, а угроза для человека и всего мира» (§ 22).

«Уровень человечности, – подчеркивает высший католический иерарх, – определяется прежде

[4] http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20051225_deus-caritas-est_it.html

[5] http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20071130_spe-salvi_it.html

[6] http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20090629_caritas-in-veritate_it.html

всего отношением к мучениям и мучающемуся. И это касается как индивида, так и общества. Общество, которое не способно принять мучающихся и посодействовать тому, чтобы мучение стало бы путем сострадания, разделяемым и внутренне ощущаемым, является жестоким и бесчеловечным. Но и общество не сможет принять мучающихся и поддержать их в мучениях, если отдельные люди не способны на это. С другой стороны, и отдельный человек не сможет принять мучение другого, если он лично не может найти в мучении суть, путь очищения и зрелости, путь надежды. Принять другого с его мучениями означает разделить в некоторой мере его мучения, сделав их и собственными» (§ 38). «Мучиться с другим, за других, мучиться из-за любви правды и справедливости, мучиться по причине любви и ради превращения в человека, любящего истинно – таковы основные черты человечности, отход от которых равносилен уничтожению самого человека» (§ 39).

Энциклика ***«Caritas in veritate»*** была приурочена к 40-летию опубликования Папой Павлом VI энциклики «Populorum progressio», но была обнародована в конце июня 2009 г. в силу того, что Бенедикт XVI решил дополнить уже подготовленный текст размышлениями о переживаемом в мире глобальном кризисе[7].

Интересно замечание Его Святейшества о том, что до этого подобных чествований удостаивалась только «Rerum novarum». По его убеждению, «Populorum progressio» заслуживает быть оцененной как «...современная "Rerum novarum", освещающая путь человечества к объединению*.

Нынешний глава Ватикана приходит к ряду принципиальных заключений: «Экономическое развитие, за которое высказывался Павел VI должно было привести к реальному росту, распространенному на всех и устойчивому на практике. И действительно такое развитие имело место и продолжает быть позитивным фактором, вырвавшим из нищеты миллиарды людей и, наконец, давшим многим странам возможность стать эффективными участниками международной политики. При этом следует признать, что само экономическое развитие было и продолжает оставаться отягощенным искажениями и драматическими проблемами, которые еще более рельефно проступили в следствии нынешнего кризиса. Это явление неумолимо ставит нас перед лицом выбора, все более касающегося самой судьбы человека, не способного абстрагироваться от собственной природы. Технические средства, планетарные взаимосвязи, губительное воздействие на реальную экономику плохо применяемой и зачастую спекулятивной финансовой активности, мощные миграционные потоки, часто только спровоцированные, но потом адекватно не управляемые, беспорядочная эксплуатация ресурсов земли побуждают нас задуматься над необходимыми мерами для обеспечения решения проблем, не являющихся новыми в сравнении с теми, которыми занимался Павел VI, и в силу их решающего влияния на нынешнее и будущее благо человечества... Кризис обязывает нас, – полагает Понтифик, – перепланировать маршрут, выработать новые формы деятельности, сделать акцент на успешные начинания и отбросить неудачные» (§ 21).

Демаркационная линия между богатыми и бедными странами, уверен Папа Бенедикт XVI, не является больше такой четкой, как во времена «Populorum progressio», на что указывал Иоанн Павел II: «Растет мировое богатство по соответствующим показателям, но увеличиваются и диспропорции... Коррупция и незаконность присутствуют, к сожалению, как в поведении старых и новых экономических и политических субъектов богатых стран, так и в самих бедных странах» (§ 22).

Далее, в § 23 он говорит: «После падения экономических и политических систем коммунистических стран Восточной Европы и конца так называемых "противостоящих блоков", потребовалось комплексное переосмысление процесса развития. За это уже высказался Иоанн Павел II, указавший в 1987 г. в наличии таких блоков одну из основных причин отставания в развитии, поскольку политика лишала экономику и культуру ресурсов, а идеология ограничивала свободу».

---

[7] См.: *Кантеров И.Я.* Ватикан перед лицом финансово-экономического кризиса // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 137–143.

* Бенедикт XVI начинает свое обращение со слов о намерении актуализировать заветы как Павла VI, так и Иоанна Павла II и, в частности, содержания энциклики *«Sollicitudo rei socialis»*, опубликованной в связи с 20-летием появления *«Populorum progressio»* – см. § 8.

Прямо затрагивая процессы глобализации, Понтифик выделяет положение, когда «...в наше время государство оказывается в состоянии, требующем ограничений его суверенитета в силу нового экономико-торгового и международного финансового контекста, отличающегося растущей мобильностью финансовых капиталов, материальных и нематериальных средств производства. Этот новый контекст модифицировал политическую власть государств». И далее: «...экономический кризис побуждает политическую власть государства непосредственно заняться исправлением ошибок и неполадок, представляется уместным заново переоценить ее роль и полномочия; они нуждаются в мудром пересмотре, чтобы власть могла отвечать – в том числе и путем применения новых способов функционирования – на вызовы современного мира» (§ 24).

Из сказанного делает неутешительный вывод о нарастании трудностей в деле достижения целей социальной справедливости из-за существенного изменения соотношения сил: «Рынок стал глобальным и он стимулировал поиск богатыми странами районов для размещения дешевого производства, чтобы снизить цены на многие продукты, повысить покупательную способность и тем самым ускорить темпы развития, нацеленные на увеличение потребления на собственном внутреннем рынке. Рынок, таким образом, стимулировал новые формы соревнования между государствами, желающими привлечь на свою территорию производственные центры иностранных предприятий – привлечь разнообразными средствами, включая благоприятную фискальную политику и либерализацию рынка труда. Эти процессы привели к сокращению систем социальной защиты, что стало платой за поиск повышения конкурентоспособности на глобальном уровне при большой опасности для соблюдения прав трудящихся, основополагающих прав человека и солидарности, осуществляемой социальным государством в традиционных формах» (§ 25).

Понтифик критически оценивает бюджетную политику, ведущую к сокращению социальных расходов и констатирует уменьшение эффективной защиты работающих со стороны профсоюзов, сталкивающихся с все более значительными сложностями при осуществлении ими представительства интересов трудящихся. Весьма реалистично и точно в увязке с финансово-экономическим кризисом конца первого десятилетия XXI в. рассматривается такое явление как безработица и ее разнородные последствия. Ссылаясь на конституцию II Ватиканского собора «Gaudium et spes», Понтифик напоминает о призыве беречь человека: «Человек – творец, сердцевина и цель всей социально-экономической жизни»[8].

И спустя 40 лет после энциклики Павла VI «Populorum progressio», посвященной прогрессу, утверждает Бенедикт XVI, эта тема остается актуальной, что «...остро и настоятельно подтвердил происходящий финансово-экономический кризис» (§ 33). Главной же отличительной особенностью современности признана глобализация, родившаяся внутри экономически развитых стран, но вовлекшая все экономики. Без милосердия в Истине, как подчеркивается, этот планетарный процесс может привести к созданию до сих пор неизвестных по опасности рисков и новых расколов в человеческой семье.

Анализ принципиального состояния современного рынка проводится Понтификом под углом рекомендаций социальной доктрины Церкви о важности для самой рыночной системы распределительной и социальной справедливости. Заключение сводится к тому, что без внутренних форм солидарности и взаимного доверия рынок не может в полной мере реализовать свою экономическую функцию, тогда как сегодня отсутствует это доверие и его потеря является опасной (§ 35).

Категорически не согласен глава Ватикана с точкой зрения тех, кто считает, что рыночная экономика структурно нуждается в некой квоте бедности и отставания для того, чтобы совершенствовать свою деятельность, поскольку в интересах самого рынка способствовать освобождению. Для этого он, рынок, не может рассчитывать только на себя, будучи не в состоянии сделать выходящее за рамки собственных возможностей. Тут требуется, убежден первосвященник, моральная энергия других способных на то субъектов.

В эпоху глобализации экономическая жизнь, безусловно, нуждается, по мысли Бенедикта XVI, в

[8] *Benedetto XVI.* Gaudium et spes. § 6.

контракте, регламентирующем отношения обмена равными по стоимости ценностями, «... Но при этом нужны и справедливые законы и формы перераспределения, управляемые политикой, и формы новых дел в рамках того, что делается под знаком "Дара Духа". Глобализованная экономика отдает вроде предпочтение первому направлению, т.е. контрактным обменам, но прямо и косвенно демонстрирует потребность в остальных двух – политическом и дарственной бескорыстной работе» (§ 37).

Также Бенедикт XVI останавливается и на вопросе гуманизации экономики, высказываясь за то, чтобы наряду с частным предприятием, ориентированным на прибыль, и разного рода государственными предприятиями, должны действовать те производственные организации, которые преследуют цели взаимопомощи и социального обеспечения: «Милосердие в истине в этом случае означает, что нужно придать форму и организационное выражение тем экономическим инициативам, которые, не отвергая доход, намерены идти дальше концепции обмена равными ценностями и достижения только дохода» (§ 38).

Динамика международного экономического развития вскрыла, по мнению Его Святейшества, серьезные недостатки и дефекты соответствующего процесса, когда «...требуются глубокие изменения в самом понимании предприятия. Управление им не может учитывать интересы только его владельцев, но и брать на себя интересы других категорий субъектов, способствующих жизни предприятия: рабочих, клиентов, поставщиков разных видов продукции, связанного с делом сообщества» (§ 40).

«Международному сотрудничеству нужны люди, которые разделяют процесс человеческого и экономического развития путем солидарности присутствия, сопровождения, обучения и уважения. С этой точки зрения сами международные организации должны определиться относительно реальной эффективности их бюрократических и административных аппаратов, зачастую весьма дорогостоящих» (§ 47). Далее Бенедикт XVI декларирует свою убежденность в настоятельной необходимости реформы как Организации Объеденных Наций, так и международной финансовой и экономической архитектуры с тем, чтобы можно было осуществить в конкретном деле *концепцию семьи наций*. Ощущается, по его словам, необходимость в нахождении обновленных форм реализации на практике принципа ответственности за защиту и придания и самым бедным странам эффективного голоса в общих решениях. Понтифик выступает за создание «Всемирной политической власти, основывающей свою деятельность на праве, последовательном соблюдении принципа субсидиарности и солидарности, нацеленной на осуществление общего блага» (§ 67).

Как видно, вся энциклика *«Caritas in veritate»* проникнута мыслью о том, что без Бога человек не добьется успеха в своих начинаниях, что без Бога он не знает, куда идти, и не может даже понять самого себя. Превосходство духовного и морального над материальным всячески выделяется и подчеркивается. При этом в свойственном для подобных документов подходе трактуются различные церковные концепции – милосердие в истине, любовь, субсидиарность, т.е. помощь человеку при посредстве автономии промежуточных образований. Как и Иоанн Павел II, Бенедикт XVI отмечает недостатки рыночной системы, но и у него речь идет только о соответствующей реформе.

* * *

Социальные воззрения Папы Бенедикта XVI выражаются им и в виде публичных высказываний по различным актуальным темам современности. Порой складывается впечатление, что Понтифик стремится вызвать полемику и понаблюдать за реакцией тех, кого касаются и затрагивают его слова. При этом чередуются жесткие интегристские подходы с прагматичными и реалистичными шагами. Так, 12 сентября 2006 г. в ходе своего выступления в университете города Регенсбурга (ФРГ) с лекцией о роли разума в христианстве и исламе и о концепции Священной войны он процитировал слова византийского императора XIV в. Мануила II Палеолога о том, что Мухаммед принес миру «...нечто злое и бесчеловечное, такое, как его приказ распространять мечом веру, которую он проповедовал»[9]. Последовала бурная и резко негативная реакция со стороны мусульманских стран, их государственных и религиоз-

[9] Il Papa sull' islam. Parole equivoci // L'Adige, quotidiano di Trento. 2006. 17 Settembre.

ных руководителей, были проведены там массовые протестные манифестации. Дело дошло до угроз ряда экстремистских исламских организаций о физическом уничтожении Понтифика. В Могадишо (Сомали) на этой, судя по всему, волне была убита итальянская монахиня Леонелла Сгорбати, многие годы находившаяся в городе в качестве миссионерки. Папа Бенедикт XVI на все это ответил лаконично: «Весьма сожалею», добавив: «...с моей стороны то было приглашение к искреннему и истинному диалогу... Надеюсь, что мои слова послужат душевному успокоению»[10]. И в странах Запада прозвучали голоса в поддержку Папы Римского.

В начале марта 2011 г. Бенедикт XVI снял с еврейского народа историческое обвинение в распятии Иисуса Христа, предложив новое понимание известных строк 27-й главы Евангелия от Матфея. По словам Понтифика, пролитая кровь Христа «имеет искупляющее свойство» и не может «служить в качестве проклятия». Об этом стало известно в связи с публикацией трех новых глав из его книги «Иисус из Назарета: от въезда в Иерусалим до Вознесения»11. (В течение столетий католицизм использовал этот фрагмент Евангелия для обвинения еврейского народа в «преступлении против Бога». В Средние века это служило предлогом для погромов, гонений и массовых убийств евреев в Западной Европе и на Ближнем Востоке. В 1965 г. II Ватиканский Собор постановил, что «смерть Христа не может быть приписана еврейскому народу»). Так, в начале XXI в. при Папе Бенедикте XVI Ватикан делает очередной серьезный шаг в пересмотре собственного исторического наследия.

Очевидно, что Папа Бенедикт XVI является продолжателем Иоанна Павла II; их взгляды на теологию и этику мало чем разнятся, а потому оправданным представляется мнение многих мировых специалистов по Ватикану о том, что нынешний глава католицизма – более жесткий адепт веры, чем его непосредственный предшественник.

© Богомазов В.М., 2011

[10] L'Osservatore Romano. 2006. 18 Settembre.

[11] http.: www. newsru.com/religy/3 mar. 2011/pope.html. Обратим внимание на то, что премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху уже 3 марта 2011 г. поблагодарил Понтифика за сделанное, а теологи-иудеи полагают, что новая книга главы Ватикана сыграет важную роль в борьбе с антисемитскими настроениями, в основе которых лежит тезис о распятии Христа евреями (см.: Московский комсомолец. 2011. 4 марта).